

«Поморье» в Слове о полку Игореве

Одной из проблем в изучении *Слова о полку Игореве* является локализация упомянутого в нем «Поморья». В тексте оно названо в составе «земли незнаемой», к которой обращается Див — «велить послушати земли незнаемѣ, Вльзѣ, и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню». Более того, возможно, что его аксиологическое значение в контексте упоминания является очень существенным, учитывая аналог из *Пролога* 1262 г. — «Сѣ присный братъ великаго апостола Петра... проповѣдаше по всему Поморию Вифунія»¹. Знаковость упомянутого в обоих случаях «Поморья», подчеркивается нарочитой сопоставимостью действий Дива, — «велить послушати», — наделенного чертами антихриста², и апостола Петра — «проповѣдаше».

«Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» кратко сообщает, что «Поморье — местность на берегу моря»³. Его месторасположение неизвестно и по этому поводу высказывались различные мнения. Существующие версии локализации *Поморья* сводятся к двум основным. Первая — это побережье Черного или Азовского моря, населенное в какой-то части готами, — имеет один существенный недостаток: такого топонима с такой локализацией в древнерусских текстах нет. Вторая версия исходит из известной древнерусским текстам локализации народа поморов на берегу Балтийского моря. Даже по формальным признакам возможное отношение «поморья» Балтийского к ареалу, на котором происходят описываемые в *Слове* события, вызывает большие сомнения. Это мнение стало, тем не менее, преобладающим, так как «поморье» связывают с прекрасными («красными») жителями о. Готланд на Балтийском море, которые по тексту *Слова* «вспѣша на брезѣ синему морю» якобы по поводу поражения князя Игоря от половцев и прекращения торговли с Русью на морских судах — «бусах» («Се бо Готския красныя дѣвы ...поють время бусово»).

Между тем, топоним *Поморье* существовал как минимум до первой четверти XIV в., локализуясь на побережье между Сурожем и Корсунем, издавна населенном готами. Так, Прокопий Кесарийский в 560 г. сообщает:

что касается городов Боспора и Херсона, которые являются *приморскими* [здесь и далее выделено мною — В.С.] городами ... Здесь же, на этом же *побережье* есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы... Сама область Дори лежит на возвышенности⁴.

А.А. Васильев переводит это место — «страна на *морском побережье*, по имени Дори»⁵. В сер. VIII в. в разгар гонений на иконопочитателей при императоре Константине св. Стефан Новый советовал использовать в качестве убежища «северные склоны берегов Евксинского Понта, бережные его области, лежащие по направлению к Зикхийской епархии, и пространства от Боспора (Керчи), Херсона, Никопсиса по направлению к *Готии низменной*»⁶. К 1771 г.

относится сообщение о том, что над воротами Каламиты (Инкерман) имелась греческая надпись (рис. 1) следующего содержания:

Построен храм сей с благословенною крепостью, которая ныне зрится, во дни господина Алексея, владетеля города Феодоро и *Поморья*, и ктитора святых, славных, боговенчаных, великих царей равноапостольных Константина и Елены в месяце октябре индикта шестого, в лето 6936 (1427)⁷.

Рис. 1.

П.И. Кеппен, впервые исследовавший эту надпись, перевел слово *παρθαλασσίας* как «приморского берега»⁸. А.А. Васильев, сопоставив *Χώρα χατά τήν παρὰ λίαν...* Прокопия Кесарийского и *παρθαλασσία* надписи 1427 г., пришел к выводу, что оба термина передают одну и ту же этно-политическую реалию — «готское побережье»⁹.

Упоминаемый в надписи «господин» Алексей — это, очевидно, сын Стефана Васильевича Гавраса, представителя древнего опального византийского аристократического рода, предки которого в середине XII в. под давлением Комнинов перебрались из Трапезунда в Таврику. Кстати, вытеснивший Гаврасов Мануил I Комнин неожиданно в свой титул под 1166 г. ввел характерное уточнение — «август готов»¹⁰. В 1399 г. Стефан Васильевич переехал в Москву «из вотчины из Судака, да из Кафы, да из Мангупа» и служил великому московскому князю со своим вторым сыном Григорием под фамилией Ховра. Князь Алексей претендовал на прибрежные территории, подконтрольные генуэзцам с 1380 г. по договору с татарским ханом. К 1427 г. он восстановил порт Каламиту (Инкерман), а весной 1433 г. захватил и Чембало (Балаклаву), получив все основания называться «владельцем Поморья».

Столица княжества Феодоро, которым остался править младший сын Стефана Васильевича, располагалась на территории горы Мангуп, где, в 1912 г. была найдена еще одна датированная 1425 г. надпись (рис. 2):

была построена эта башня вместе с дворцом в благословенной крепости, которая видна ныне, во дни Алексея, владыки Феодоро и *Поморья*¹¹

На обеих надписях — 1425 и 1427 гг. — повторяются в одинаковом сочетании, слева направо — генуэзский герб, монограмма князя Алексея и герб Па-

Рис. 2.

леологов в виде двуглавого орла. Интересно, что в самой Византии с 1327 г. утвердился иной герб — с четырьмя буквами «В» (Василевс). Двуглавый орел, избранный Палеологами в качестве фамильного герба, на закате империи приобрел значение государственного. Его они унесли в изгнание; его восприняла Русь как символ преемственности «странствующего царства»; на него же, очевидно, не без оснований претендовали князья Феодоро.

В 1426 г. дочь князя Алексея была обвенчана с Давидом Комниным, nasledовавшим престол в Трапезунде. В Трапезундской хронике она названа «василиссой»¹². В 1472 г. племянница князя Алексея стала женой Стефана III Великого. Она официально именовалась «господарыней Молдавской» и «Палеологиней» и пользовалась монограммой Палеологов¹³. В этом же 1472 г. великий князь Иван III женился на Софье Палеолог, в свите которой на Русь прибыл князь Константин Гаврас. После этого Иван III начал вести переговоры о женитьбе своего сына на мангупской княжне из рода Гаврасов. Переговоры были сорваны Стефаном III, конкурировавшим с московским великим князем в борьбе за обладание наследием Палеологов.

Следовательно, можно предполагать, что надписи, в которых обозначен титул князя Алексея, — «князь Феодоро и Поморья», — носили официальный характер и означали, что правитель горной Таврики владел западным побережьем и претендовал на Югобережье, некогда бывшее уделом Византии, обозначенное в титуле как *Поморье*. Одновременно он позиционировал себя как преемник прав византийского императорского дома Палеологов. А значит, термин Поморье, очевидно, функционировал и в эпоху Палеологов, т. е. не позднее рубежа XII–XIII вв., когда он имел не только географическое, но и политическое значение, несомненно известное автору *Слова*. В противном случае его использование в XV в. в титуле, сопровождавшемся гербом Палеологов, теряло всякий практический смысл.

Кстати, на плоскогорье Мангуп, где в XIV в. была устроена столица княжества Феодоро, с VI в. располагалась древняя столица готов. Роль готов в жизни средневекового Крыма, вероятно, была значительной, если в византийских источниках его называют Готией. Традиция эта, скорее всего, основывается на сообщении Прокопия Кесарийского о том, что «в прежние времена племена готов назывались также скифами, так как все те племена, которые занимали эти мест-

ности, назывались общим именем скифов»¹⁴. Это известие буквально повторено в *Изборнике Святослава 1073 г.*: «Скоуфию же нарицають ветьсии страну ту всюю сѣверскоу иже соуть Готфи· и Давъние· да тоу оубо въутрь· въ поустыни Великыя Скоуфия· есть дѣбрь зѣло глубока и челоуѣкомъ невѣходьна»¹⁵. Кстати, с готами Прокопий прежде всего связывал все побережье от Боспора до Херсонеса. Через несколько столетий буквально то же повторил Вильгельм де Рубрук, который в 1253 г. видел на южном побережье Крыма замки, в которых «было много готов, язык которых немецкий». Посредством переезда в Крым Гаврасов в сер. XII в. Комнины приобрели титул «августа готов», что также позволяет видеть в них титульную народность крымского побережья, входившего в сферу интересов Византии. По мнению А.Н. Карсанова, как раз крымские готы и упомянуты в *Слове*, когда речь идет о «готских красных девах»¹⁶. Как мы помним, и они локализируются автором *Слова* «на брезѣ синему морю», который нет основания не сопоставить с *Поморьем*. Поэтому упоминание в *Слове Поморья* в значении крымского побережья, населенного готами, приобретает знаковый характер и отражает византийские геополитические представления VIII–XII вв., несомненно известные в Древней Руси.

Христианство среди готов распространилось с середины III в., причем, возможно, прямо из Иерусалима. В IV в. на готский язык было переведено Святое писание. С этого же времени образуется готская епископия, а с XIII в. и митрополия, подчинявшаяся непосредственно константинопольскому патриарху. Статус Готской митрополии был достаточно высок уже в то время, когда в Херсонесе-Корсуни и Сугдее-Суроже христианство еще не стало массовым. Упоминания о давнем готском языке, исчезнувшем в Европе к X в., в Крыму встречаются вплоть до XVIII в. По словам путешественника начала XV в. Иосафата Барбаро именно готский язык называли «татским», а жителей Мангупа — татами. Возможно, что в Крыму «татами» называли всех горцев вообще¹⁷.

В этой связи вызывают интерес упомянутые в *Слове* воины князя Ярослава Черниговского — «татраны». Этимология этого названия, в основном, сводится исследователями к тюркской лексике. Как альтернативная предлагалась версия его происхождения от известного в чешском языке *tatran*, «житель Татр»¹⁸. При этом интересно, что сравнительно-сопоставительный анализ остатков языка таврических готов выявляет его значительную отдаленность от собственно готского языка и его синхронность с формами ранне-ново-верхненемецких диалектов¹⁹. Поэтому можно предположить, что чешское *tatran* является составным из *tata* и *ran*, где вторая составная передает тавроготское «дождь» — *regħan*, др.-в.-нем. *regen*, англ. *rain*. Второе «е» в слове *regħan* в тавроготском слабопроизносимо, а первое «е» перешло в общегерманское «а». Предполагаем, что *tata* — это производное от формы указательного местоимения ср. рода ед. числа — готского *thata*, т.е. «это».

Еще более показательна этимология упомянутых там же в *Слове* названий «шельбиры» и «ольберы». Их общее *bir-ber* легко сводится к тавроготскому *baar*, «парень», зафиксированному в записках германского посла Бусбека, сделанных им в Константинополе в кон. XVI в. Сочетание «ол» передает тавро-

готское *ael* из тех же записей, т. е. «камень», «скала»²⁰. Вместе *aelbar* произносится как «олбер» и переводится как «парень скал». Буквенное сочетание начала первого названия, — «шел», — может с одинаковым успехом быть производным от двух тавроготских слов: «скалистый выступ» — *sulter* или «щит» — *suldan*. Склоняемся к первому, т. к. *t* между двумя звонкими согласными легко теряется и получается *sulbar* с шипящим *s*, т. е. тот же «парень скал». В таком случае этимология всех трех названий прямо или косвенно связана с горами — «татами», Татрами, скалами. И это, наверное, естественно, если учесть, что столица готов располагась на плоскогорье Мангуп.

Крымские готы, которые по словам Прокопия Кесарийского «в военном деле превосходны»²¹, охотно принимались на службу византийскими императорами, а также составляли костяк вооруженных сил княжества Феодоро в XV в. Германский посол Авгерий Гизлер фон Бусбек записал в конце XVI в., что «народ, готы, весьма воинственен... и что они предоставляют татарскому хану, когда ему есть в том нужда, 800 легковооруженных солдат, составляющих ядро татарского войска»²². Эвлия Челеби во второй пол. XVII в. сообщал по случаю о прибытии «200 прекрасных стрелков их Татского иля»²³. Возможно поэтому отряды крымских готов мы обнаруживаем в тексте *Слова* на службе у черниговского князя.

Можно предположить, что этноним «готы», как о том свидетельствуют Прокопий Кесарийский и *Изборник 1073 г.*, заменил «скифов» в обозначении некоей территории, расположенной на северной окраине византийского мира, включавшей Крым. В таком случае, под «землей незнаемой» в *Слове* мог подразумеваться некий исторический регион, который «ветсьии», т. е. «древнии» называли «страной северьской» в составе византийской ойкумены и который, наряду с Волгой, Посульем, Сурожем и Корсунем, включал крымское *Поморье*. Его границы, возможно, совпадали с границами Зикхийской епархии, включавшей епископства Фуллов, Готов, Корсуня, Сурожа-Сугдеи, Боспора, Матрахии и Никопсии. Ведь еще в сер. IX в. епархия Готии объединяла важнейшие центры Хазарского каганата, в т. ч. епископства Хвалиское на Нижней Волге и Тиматархи-Тьмутаракани.

1 Поморие. *Словарь древнерусского языка (XI–IV вв.)*. Т. VII. М. 2004, 135.

2 Ставиский В.И. Мировоззрение автора «Слова о полку Игореве» и культура его времени. *ТОДРЛ*. Т. 43. Л., 1990, 133–135.

3 Поморье. *Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»*. Вып. 4. Л. 1973.

4 Прокопий Кесарийский. О постройках. (Пер. С. П. Кондратьева). *ВДИ*. 1939. № 4, 249.

5 Васильев А. А. Готы в Крыму. *ИРАИМК*. 1921. Т. 1, 309.

6 Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового. *Труды*. Т. 2, ч. 2. СПб., 1912, 324–325.

7 Фадеева Т.М., Шапошников А.К. *Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник*. Симферополь, 2005, 38.

8 Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. *Крымский сборник*. СПб., 1837, 219.

9 Васильев А.А. *Готы в Крыму*. Т. 1, 311, прим. 1.

10 Васильев А.А. Готы в Крыму. *ИРАИМК*. 1927. Т. 1, 260.

11 Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа. *ИГАИМК*. 1933. Вып. 71, 34.

12 Кеппен П. О древностях, 221.

13 *Путеводитель по Св. Афонской горе и указатель ея святынь и прочих достопамятностей*. СПб., 1871, 120.

- 14 Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «Длинные стены» в Крыму. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики*. Вып. 2. Симферополь, 1991, 105–118.
- 15 *Изборник Святослава 1073 года*. Факсимильное издание. М., 1983. Л. 153.
- 16 Карсанов А.Н. «Готские девы» в «Слове о полку Игореве». *Герменевтика древнерусской литературы XI–XIV вв.* М., Вып. 5 1992, 109.
- 17 Фадеева Т.М., Шапошников А.К. *Княжество Феодоро и его князья*, 167.
- 18 Татраны. *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. Т. 5. СПб., 1995, 98–99.
- 19 Фадеева Т.М., Шапошников А. К. *Княжество Феодоро и его князья*, 236.
- 20 Фадеева Т.М., Шапошников А. К. *Княжество Феодоро и его князья*, 234, 238.
- 21 Прокопий Кесарийский. О постройках, 249.
- 22 Фадеева Т.М., Шапошников А. К. *Княжество Феодоро и его князья*, 233.
- 23 Эвлия Челеби. Книга путешествий. Симферополь, 2008, 115.

Вадим Ставиский

О судьбе Федоровского монастыря в Киеве в послемонгольское время

Федоровский монастырь в Киеве хорошо известен. По количеству упоминаний в Ипатьевской летописи (пятнадцать раз) он уступает только Печерскому и Выдубицкому монастырям, что даже несколько неожиданно. Монастырь был основан в 1129 г. Мстиславом Владимировичем (чье крестильное имя было Феодор),¹ и потому для сыновей князя оказывался «отчим».² Здесь были похоронены Изяслав, Ростислав и Владимир Мстиславичи, внуки основателя Ярослав и Ярополк Изяславичи, правнуки Мстислав Давыдович и Изяслав Ярославич.³ Вероятно, наиболее яркой страницей истории монастыря стало заточение в нем Игоря Ольговича и его убийство восставшими киевлянами в 1147 г.

Фундаменты монастыря были идентифицированы и исследованы в 1983–1986 гг.⁴ Небезосновательно полагают, что церковь св. Феодора не была разрушена во время штурма Киева монголами, и еще в 1651 г. ее руины видел и зарисовал Вестерфельд. Широко распространено также мнение, что не только церковное здание, но и монастырь как институция пережил монгольское завоевание и продолжал существовать по крайней мере до конца 1250-х гг.

Вот, например, мнение М.К. Каргера:

В последний раз Федоровский монастырь упоминается в летописи под 1259 г., в рассказе об украшении Даниилом Романовичем Галицким выстроенного им храма Иоанна Златоуста в Холме, для чего были использованы иконы, принесенные из Киева, «иже ему сестра Феодора вда из монастыря Феодора». По-видимому, это были немногочисленные остатки бывшего богатого убранства монастыря, уцелевшие после монгольского разгрома Киева в 1240 г.»⁵

Это утверждение (в сходных выражениях постоянно присутствующее в специальной литературе) апеллирует к прямому показанию Галицко-Волынской летописи. От внимания исследователей, однако, ускользнула его очевидная